

Море

Мореходное искусство

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 316.012
ББК 65.30
М79

М79 Море: Мореходное искусство / – М.: Книга по Требованию, 2017. – 312 с.

ISBN 978-5-458-06311-1

Богатство моря. Исторический очерк всемирной торговли и значение ее для цивилизации.

ISBN 978-5-458-06311-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО МОРЯКА О ПЕРВЫХЪ ГОДАХЪ ЕГО МОЛОДОСТИ. ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА МОРСКУЮ СЛУЖБУ.

Многія обстоятельства весьма рано развили во мнѣ любовь къ морю. Я появился на свѣтъ въ жестокую бурю. Вѣтеръ и дождь, бившій въ крышу и стѣны, были такъ сильны, что мою больную мать хотѣли уже перенести въ болѣе надежную половину нашего дома. Дѣйствительно — ревъ волнъ по близости, свистъ бури въ лѣсу, сотрясенія дома, — все это происходило въ минуту моего рожденія съ замѣчательною силою и произвело тогда на всѣхъ присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе.

Я рано почувствовалъ, что мое назначеніе жить на морѣ и, постоянно поощряемый въ этомъ инстинктивномъ стремленіи, выросъ въ полномъ убѣжденіи, что я долженъ быть морякомъ, точно такъ, какъ старшій братъ мой выросъ въ увѣренности владѣть со временемъ отцовскою землею; этотъ ребенокъ также рано узналъ, что онъ воспользуется когда нибудь всѣми преимуществами наследника.

Когда меня отдали въ школу, то вакантное время, лѣтомъ, я проводилъ въ одномъ мѣстечкѣ на морскомъ берегу, которое развивало во мнѣ склонность къ морю. Продолженіи длинныхъ и скучныхъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за шестью сладкими недѣлями свободы, я не могъ

сосредоточиваться для уразумѣнія отвлеченныхъ правилъ грамматики,—единственной цѣли жизни нашего достойнаго профессора. Воображеніе невольно переносило меня къ песчанымъ отмелямъ и каменистымъ берегамъ, вдоль которыхъ я бродилъ съ такимъ наслажденіемъ во время лѣтнихъ каникулъ. Страшный контрастъ, который представлялся мнѣ между рутинными, схоластическими порядками школы и чудною привольностью морскихъ береговъ, постоянно отправлялъ даже и то удовольствіе, которое я могъ бы испытывать въ дѣтскихъ играхъ въ минуты отдыха, между классными занятіями. Все это сдѣлало меня мрачнымъ и развило такое сильное чувство несчастнаго положенія, что, несмотря на тридцать лѣтъ прошедшихъ съ тѣхъ поръ, мнѣ и теперь тяжело вспоминать объ этомъ времени. Наставникъ нашъ былъ безъ всякаго сомнѣнія человекъ достойный, но онъ счелъ бы за нарушение своихъ обязанностей, еслибъ хотя въ одномъ ученикѣ допустилъ дозою болѣе чувствительности или свободы идей, нежели въ другихъ его товарищахъ. Еще менѣе могъ онъ понять, чтобы воображеніе котораго нибудь изъ его учениковъ могло требовать, внѣ рекреационнаго времени, другой пищи кромѣ лецкій учителя. Только однажды, во все время моего пребыванія въ этомъ храмѣ мудрости, я услышалъ нѣскольکو ласковыхъ словъ отъ начальника заведенія. Онъ отвелъ меня въ сторонъ, и голосомъ, резко противорѣчившимъ деспотическому обращенію въ заведеніяхъ, спросилъ: «Скажите мнѣ, мой милый, отчего вы всегда такъ печальны и никогда не играете съ вашими товарищами?» Я отвѣчалъ ему, что стѣны училища для меня нестерпимо скучны и что я не могу выносить такого обращенія, при которомъ не предполагаютъ никакой самобытной мысли въ воспитанникѣ; что преподаваемые предметы не даютъ никакого

отвѣта на вопросы сильно интересующіе меня и проч. и проч. Онъ улыбнулся, ласково погладилъ меня по головѣ и наконецъ отвѣтилъ, что невозможно измѣнить порядка классныхъ занятій и школьной дисциплины для удовольствія одного капризнаго мальчика. Я это зналъ и прежде и никогда не воображалъ себѣ, чтобы общественное заведеніе могло сообразоваться съ моими личными идеями; все чего я хотѣлъ — это снисхожденія къ моему характеру и иногда отступленія отъ общаго правила въ пользу одного исключенія.

Много также мою юную голову тревожили думы о будущемъ, часто химерныя; тѣмъ болѣе, что я не могъ составить себѣ точнаго понятія объ удовольствіяхъ и радостяхъ жизни, о которой зналъ по однимъ разсказамъ. Разъ какъ-то мнѣ попалась на глаза поэма, исполненная поэтическихъ описаній и прелестныхъ идей, написанная превосходнымъ языкомъ, но которая въ моемъ положеніи могла скорѣе вызвать отчаяніе, чѣмъ надежду. Въ ней утвердительно говорилось, что время, проводимое въ училищѣ, составляетъ самый счастливый періодъ жизни человѣка. Я не знаю, что сдѣлали съ тѣхъ поръ успѣхи просвѣщенія, но въ мое время и въ училищѣ, въ которомъ я воспитывался, время дѣтства, по-крайней-мѣрѣ для меня, было такъ скучно, что помню какъ я невольно воскликнулъ, прочитавъ эту книгу: «Если правда, что жизнь, по выходѣ изъ училища, будетъ еще скучнѣе, то зачѣмъ было и родиться на свѣтъ!»

Съ тѣмъ же грустнымъ чувствомъ читалъ я другихъ поэтовъ и прозаиковъ, и, къ моему постоянному огорченію, рѣдко встрѣчалъ во всѣхъ этихъ книгахъ болѣе утѣшительное изображеніе будущаго. Много мнѣ было нужно превратныхъ лѣтъ и опытовъ въ дѣйствительной жизни, чтобы разубѣдиться во всѣхъ этихъ идеяхъ о школьномъ сча-

сти и придти къ сознанію, что все происходитъ отъ насъ самихъ, потому-что продолженіи всего нашего существованія, количество испытываемаго счастья, всегда зависитъ отъ того расположенія, съ которымъ мы исполняемъ наши обязанности. Мнѣ всегда казалось, что утверждать, будто первые годы нашей жизни наиболѣе счастливые, значить клеветать на нашу природу и ограничивать дары провидѣнія. Истинный, великій день въ жизни каждого человѣка долженъ приходиться въ то время, когда всѣ его способности и свобода воли достигли полного развитія.

Всякій разъ, по окончаніи годичныхъ экзаменовъ, я оставлялъ школу, не теряя ни одной минуты. Можно легко себѣ представить, что я не разыгрывалъ блестящей роли на этихъ періодическихъ испытаніяхъ. Я довольствовался тѣмъ, что былъ нѣсколько выше середины, отчасти и потому, что тутъ же стояли и тѣ изъ товарищей, которыхъ я болѣе любилъ, а отчасти потому, что скамейка, предоставленная въ наше распоряженіе, была близъ печки. Когда кончалось наконецъ время моего заключенія, я бѣжалъ въ контору дилижансовъ и чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ тогда только, когда уже сидѣлъ на мѣстѣ, катясь по большой дорогѣ. Первою моею заботою, по прибытіи въ деревню, было бѣжать къ морю и искать рыбаковъ, которые согласились бы взять меня на слѣдующее утро, покататься. Такимъ образомъ каждое утро, съ восходомъ солнца, я былъ въ морѣ въ полумилѣ отъ берега, въ кругу людей мнѣ сочувствовавшихъ, т. е. въ кругу товарищей, которые хотя не имѣли никакого понятія о грамматикѣ, но — или изъ за моихъ денегъ, или ради того участія, котораго я обнаруживалъ къ ихъ занятіямъ, смотрѣли на меня какъ на человѣка, а не какъ на ничтожный нуль, употребляемый въ школѣ для означенія недостатка

познаній и для меня неимѣвшій никакого смысла. Эти добрые люди простодушно забавлялись надъ моею привязанностію къ морю и горячили воображеніе разсказами объ опасностяхъ и трудахъ морской жизни, оживленная дѣятельность которой затемняла для меня всѣ правила синтаксиса. Во время этихъ поѣздокъ, я часто страдалъ отъ морской болѣзни. Кромѣ того, въ рыбацкихъ лодкахъ всегда была вода и множество остатковъ гнилой рыбы, такъ что моя любовь къ морю встрѣчала здѣсь сильную оппозицію и должно сознаться, что частенько, вступая на твердую землю, я съ восторгомъ вдыхалъ менѣе рыбный воздухъ и давалъ себѣ слово, никогда больше не отваживаться на подобныя поѣздки.

Но эта невѣрность къ моей любимой стихіи, была только временною и рѣдко продолжалась долѣе того времени, которое было нужно, чтобы обогнуть край отмели, образовавшійся у крутого берега, откуда я любовался на живописныя окрестности и морскую даль. Одинъ за другимъ появлялись и исчезали на горизонтѣ корабли, возбуждая во мнѣ живѣйшее желаніе отправиться съ ними въ тѣ безграничныя моря, о которыхъ я читалъ столько разсказовъ; гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не видно земли, гдѣ каждую ночь являются новыя звѣзды, и каждая птица, каждая рыба, какъ и каждое дуновеніе воздуха, указываютъ на другой климатъ, почти на другой міръ.

Первые мои опыты въ морскомъ дѣлѣ происходили на прудѣ фермы, гдѣ вдвоемъ съ мальчикомъ плотникомъ я рѣшился сдѣлать первое свое путешествіе. Судно наше состояло изъ двухъ или трехъ брусковъ и нѣсколькихъ досокъ, сплоченныхъ вмѣстѣ вдоль и поперекъ. Изъ шеста, добытаго изъ сосѣдняго частокола, мы сдѣлали мачту. Гораздо труднѣе было достать парусъ, пріобрѣтеніе котораго

далеко превышало наши средства и кредитъ. Наконецъ мой изобрѣтательный товарищъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи замѣчательнымъ морскимъ строителемъ, подалъ мнѣ мысль воспользоваться рогожами, которыми садовникъ защищалъ отъ холода растенія. Такимъ образомъ наше судно было наконецъ построено и оснащено. Когда все было готово, мы отплыли на слѣдующій день при благопріятномъ вѣтрѣ, отъ одного берега *Средиземнаго моря* и послѣ десяти минутнаго благополучнаго плаванія, пристали къ противоположному берегу; на суднѣ все обстояло благополучно, больныхъ неимѣлось. Ни что не можетъ сравниться съ моимъ восторгомъ отъ этого путешествія; это было первое счастье, которое я испыталъ вполнѣ, которое мгновенно пробудило надежды на будущее и твердую рѣшимость, сдѣлавъ вмѣстѣ съ тѣмъ скучное пребываніе въ училищѣ еще болѣе невыносимымъ. Легко понять на какія безконечныя плаванія отправлялся я въ своихъ мечтахъ, представляя себѣ всѣ опасности и наслажденія моря,—капитана Кука и Робинсонъ — Крузо, по слѣдамъ котораго я намѣренъ былъ идти.

Въ то время я не могъ думать, чтобы моимъ мечтаніямъ суждено было осуществиться въ нѣкоторой степени, и что несмотря на всю тогдашнюю горячность моего воображенія, я увижу въ послѣдствіи, во время своихъ плаваній, вещи несравненно болѣе любопытныя и замѣчательныя, чѣмъ какія я могъ вообразить себѣ. Еще въ дѣтствѣ на морскомъ берегу, гдѣ проводилъ я лѣтнія вакаціи, каждый годъ новыя происшествія, правда большею частію печальныя и не утѣшительныя, возбуждали мое ненасытное любопытство. Въ десяти миляхъ отъ дома моихъ родителей лежитъ подводный камень, на которомъ въ прежнее время ежегодно разбивалось до шести судовъ.

Не много найдется случаевъ, которые сильнѣе бы дѣйствовали на воображеніе, чѣмъ гибель судна, ударившагося о подводную скалу въ открытомъ, беззащитномъ мѣстѣ. Несчастное судно стоитъ безъ мачтъ, волны яростно ударяютъ въ него, экипажъ въ отчаяніи хватается за что ни попаало. Вопли раздирающіе сердце заглушаются ревомъ бури и каждая новая волна увеличиваетъ число жертвъ, пока не исчезнетъ наконецъ все; корабль пропадаетъ, а берегъ, на цѣлую милю, покрывается обломками досокъ и мачтъ, полураскрывшимися ящиками и остатками дорогого груза, съ которымъ, еще недавно, онъ шелъ такъ гордо и увѣренно.

Но ни зрѣлище этихъ крушеній, ни рассказы о другихъ опасностяхъ морскихъ плаваній, ничто не отвлечетъ молодую голову отъ инстинктивно выбраннаго ею поприща, которое представляетъ столько самыхъ живыхъ и разнообразныхъ ощущеній. Что касается до меня, то каждое новое крушеніе, котораго я былъ свидѣтелемъ, только сильнѣе возбуждало желаніе достигъ цѣли моихъ мечтаній. При видѣ волнъ, съ яростію рушившихся на несчастное судно, я испытывалъ какое-то непонятное, торжественное чувство, которое иногда переходило въ ужасъ, но въ глубинѣ души пробуждалось вмѣстѣ съ тѣмъ особенное вѣрованіе, какое-то неизъяснимое очарованіе, которое заглушало минутный страхъ.

Но пора проститься съ школой и моими дѣтскими воспоминаніями, и познакомиться съ дѣйствительною жизнью моря и бытомъ моряковъ.

Я бы не желалъ, чтобъ мой рассказъ возбудилъ въ какомъ нибудь лѣнивомъ ученикѣ желаніе посвятить себя трудамъ морской службы, только изъ за лѣности, безъ другихъ болѣе важныхъ, побудительныхъ причинъ. Ребе-

нокъ, какъ бы онъ ни былъ развитъ, не можетъ составить себѣ вѣрной идеи о томъ поприщѣ, къ которому себя готовить. Кромѣ того, нигдѣ нельзя встрѣтить такого сильнаго разочарованія, какъ въ морской службѣ. Нужно ли указывать на страшную разницу, существующую между домашнимъ комфортомъ и неудобствами жизни на морѣ? не говоря уже о пищѣ, часто весьма скудной, объ изнурительныхъ работахъ, морской болѣзни и морской дисциплинѣ. Вовсякомъ другомъ родѣ жизни можно впередъ рассчитать, по-крайней-мѣрѣ приблизительно, что ожидаетъ молодаго челоѣка въ будущемъ; но кто предскажетъ, что ожидаетъ моряка въ его разнообразной жизни? Онъ можетъ погибнуть на трехъ-палубномъ кораблѣ, можетъ зажариться на Ямайкѣ или замерзнуть на Шпицбергенѣ. То онъ крейсируетъ въ морѣ, то долгое время стоитъ среди многочисленнаго флота, то внезапно остается совершенно одинъ; онъ можетъ далеко, на чужбинѣ провести лучшіе годы своей жизни; онъ можетъ каждый день имѣть извѣстія отъ своихъ родныхъ и друзей или, какъ мнѣ разъ случилось, въ продолженіи пятнадцати мѣсяцовъ не прочесть ни одной строчки письма или газеты. Онъ можетъ попасть или на слишкомъ снисходительнаго командира, что всегда впрочемъ очень дурно, или подѣ начальство одного изъ вѣчно суровыхъ капитановъ. Однимъ словомъ, онъ можетъ плавать двадцать лѣтъ и не найти двухъ дней и двухъ челоѣкъ совершенно одинаковыхъ; все это чрезвычайно занимательно для однихъ и трудно для другихъ. Нѣжные организмы обыкновенно не выдерживаютъ, слабыя души смущаются предъ такою сложностію происшествій и суровостію жизни. Но постоянное разнообразіе предметовъ и ощущеній на морѣ такъ велико, что, если только молодой челоѣкъ выдержитъ служебныя и другія неизбѣжныя трудности и до-

ждется, когда наступит наконецъ время, явится возможность воспользоваться своими природными способностями и усердіемъ, тогда онъ поздравитъ себя, что не остановился передъ первыми препятствіями, не отступилъ преждевременно.

Многія (*) занятія требуютъ отъ человѣка такого постояннаго, усидчиваго вниманія, что онъ, овладѣвая ими, въ свою очередь и самъ, невольно, подчиняется ихъ вліянію. Они налагаютъ неизгладимый оттѣнокъ на его манеры, характеръ, образъ мыслей, даже на его тѣлесный организмъ. Этотъ оттѣнокъ выражаетъ собою самую идею занятія, и чѣмъ эта идея глубже, чѣмъ сложнѣе это занятіе, чѣмъ болѣе оно требуетъ навыка, тѣмъ самый оттѣнокъ, налагаемый имъ, рѣзче и яснѣе. Но можетъ быть, ни одно занятіе въ мірѣ не кладетъ на человѣка такого сильнаго отпечатка, какъ занятіе моряка. Причина понятна. Иныя занятія требуютъ болѣе тѣлеснаго навыка, другія особаго направленія умственныхъ способностей, рѣдкія—касаются души и сердца; но занятіе моряка требуетъ всего человѣка—безраздѣльно, и въ свою очередь производитъ въ натурѣ его коренное преобразованіе, которое оставаясь на всю жизнь, выражается во всѣхъ его поступкахъ, мысляхъ и въ его тѣлесномъ организмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, сколько условій долженъ выполнить хорошій морякъ, и вы поймете, что такое соединеніе въ одномъ извѣстномъ направленіи столь многихъ и часто противоположныхъ качествъ, можетъ произойти только вслѣдствіе совершеннаго перерожденія всего человѣка. Простой матросъ(а въ флотской службѣ чѣмъ выше званіе, тѣмъ болѣе налагаетъ оно обязанностей) долженъ приучиться раз-

(*) Современникъ 1855 г.

личать голосъ начальника посреди страшнаго шума и суматохи; онъ долженъ безошибочно, быстро понимать самыя сложныя приказанія, выражаемыя въ одномъ словѣ, въ одномъ звукѣ, заглушаемомъ ревомъ бури или грохотомъ тяжелыхъ морскихъ орудій, отъ которыхъ содрогается и стонетъ весь остовъ корабля; онъ долженъ исполнять эти приказанія мгновенно, такъ сказать, инстинктивно, прежде чѣмъ успѣетъ подумать о нихъ, и притомъ не однообразно, но исполнять свое особое дѣло, состоящее въ необходимой связи съ занятіями его товарищей. Онъ долженъ исполнять эти приказанія хладнокровно и съ математическою точностію и въ то время, когда вѣтеръ и качка грозятъ каждую минуту сорвать его съ гнущейся мачты или дрожащей веревки; исполнять безтрепетно, когда смерть грозитъ ему со всѣхъ сторонъ. Матросъ до того долженъ проникнутъ чувствомъ долга и повиновенія, чтобы, стоя на краю вѣрной гибели, онъ не позабылъ своей обязанности, — чтобы страшный, леденящій взглядъ близкой, неминуемой смерти не могъ ни на минуту потемнить его разсудка, ослабить вѣрности его взора или энергіи его мускуловъ. Навыкъ къ выполнению однихъ этихъ условій можетъ уже совершенно пересоздать человека. Но остроты слуха и зрѣнія, привычки превозмогать усталость, силы и навыка мускуловъ, гибкости членовъ, быстроты соображенія, слѣпаго повиновенія начальству, хладнокровія въ опасности, неодолимой энергіи, презрѣнія къ смерти, — всего этого мало для хорошаго матроса: самое сердце свое онъ долженъ отдать своему занятію. Моряки знаютъ, какъ необходимо для хорошаго экипажа, чтобы матросъ пристрастился къ морю, къ своему кораблю, къ своему начальству, къ своимъ товарищамъ и къ своему занятію. Только страстная привязанность можетъ дать ту готовность выполнять при-